

Философия

УДК 124.5

О.В. Санникова

КРИЗИС ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВ¹

В статье рассматривается проблема кризиса городской идентичности в условиях противостояния глобальных и локальных процессов в границах городского пространства. Городская идентичность рассматривается как разновидность социальной идентичности индивида в аспекте его связи с конкретной городской общностью. Исследование оснований и последствий кризиса городской идентичности производится в рамках трактовки этой идентичности как ценностно-смыслового единства индивида с городской общностью.

Проблематика городской идентичности представлена анализом современных концепций социальных изменений городского пространства, связанных с глобальными потоками человеческих, финансовых, материальных и информационных ресурсов. В статье указывается, что кризис идентичности проявляется в потенциальной утрате индивидуально-личностной связи с городом, утрате привязанности к месту проживания, в исчезновении самой потребности в городской идентичности. Для выявления оснований сохранения городской идентичности вводятся понятия ретроспективной и перспективной городской идентичности. Ретроспективная городская идентичность имеет своим основанием существование в городском пространстве так называемых «мест памяти», объединяющих физическое пространство, фрагменты коллективной памяти и индивидуальное ценностное отношение к этой памяти как условие приобщения к истории города. Перспективная городская идентичность выражает единство и связность индивида с будущими состояниями городского сообщества как источника потенциальных социальных выборов. Оценка направленности городских изменений выражена в позитивной и негативной перспективной городской идентичности, которая определяет миграционные намерения горожан, их деятельное участие в судьбе города.

Ключевые слова: глобализация, локальность, городская идентичность, пространственная идентичность, территориальная идентичность, ретроспективная и перспективная городская идентичность, позитивная и негативная городская идентичность.

DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-4-365-371

Современный мир характеризуется исследователям в области социально-гуманитарного знания как динамичный, быстро изменяющийся, с многовариантным неопределенным будущим. Эта динамика предъявляет человеку все новые требования, на освоение которых в любом случае требуется определенной продолжительности время. Однако новые требования достигают человека еще до того, как он освоил предшествующие, успев завершить необходимые собственные изменения. Таким образом, человек обнаруживает себя в постоянном потоке изменений, не завершающихся стабильным, устойчивым и воспроизводимым состоянием. Недостаточность такого состояния означает отсутствие самовоспроизводящегося основания таких изменений, позволяющего индивиду во всех своих трансформациях сохранять тождество с самим собой как для контроля за самими процессами, так и для распоряжения их результатами. Такая самоидентичность трактуется как идентичность.

Основные проблемы сохранения идентичности как индивидуальной устойчивости в условиях социальной изменчивости исследователи связывают с ее (идентичности) кризисным состоянием [5. С. 5; 17. С. 119; 25. С. 73]. На первый план выходит ценностно-смысловой аспект индивидуальной идентичности.

Определенность идентичности через соотнесение индивида с некоей совокупностью ценных для него смыслов приобретает особую актуальность в информационную эпоху. М. Кастельс указывал: «Первые исторические шаги информационных обществ, как представляется, характеризуются преобладанием идентичности как организующего принципа. Под идентичностью я понимаю процесс,

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект 20-011-00588 А «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)».

через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств» [11. С. 30]. Тогда основания для кризиса идентичности можно связать, с одной стороны, с девальвацией прежней системы смыслов и ценностей, вызванной социальными изменениями, с другой – с незавершенностью формирования новой системы смыслов, характерной для обновленного общества. Индивид оказывается в зазоре между смысловыми полями, одно из которых, относящееся к предшествующему устойчивому социальному состоянию, уже нефункционально, а другое еще не функционально в силу неопределенности и многовариантности его (общества) будущего состояния.

Кризисное состояние идентичности имеет как индивидуальные, так и социальные последствия, поскольку индивидуальная или личностная идентичность трактуется, с одной стороны, в аспекте самоидентичности, самосовпадения, с другой – в аспекте тождественности с определенными социальными общностями, принадлежности к их ценностно-нормативным ориентирам, согласованности с их образом жизни [6. С. 29]. В любом случае идентичность – состояние осознаваемого и переживаемого человеком единства не только с самим собой, но и с определенной наиндивидуальной целостностью. Потребность в такой целостности устремляет индивида к преодолению кризиса идентичности.

Индивидуальные последствия непреодоленного кризиса идентичности представляют собой состояние беспомощности, неспособности к принятию решений, неразрешенности внутриличностных проблем, ведут к распаду отношений индивида с его окружением, с самим собой.

Социальные последствия связаны с проблемной социализацией индивида в условиях неопределенности настоящей и будущей социальной ситуации, становлением субъекта социальных изменений, способного к ответственному овладению как социальными обстоятельствами своей актуальной жизни, так и своей собственной грядущей судьбой. Социальная идентичность больше не может обеспечивать принадлежность к группе, чувство защищенности, самореализацию и влияние на группу, устойчивые и относительно предсказуемые социальные взаимосвязи [4].

Социальная и индивидуальная идентичность представляют собой «устойчивые характеристики личности, группы, ситуации, которые рассматриваются как детерминанты индивидуальных действий или совместной активности людей» [15. С. 109], тогда разрыв идентичности угрожает воспроизводству социума как системы устойчивых социальных взаимодействий, существование которых является и причиной, и следствием идентификационного самоопределения индивида в этой системе.

В связи с этим возникает проблема поиска объективированных социальных оснований индивидуальной идентичности, которые позволяют индивиду одновременно воспроизводить свою идентичность как совпадение с этими основаниями и дистанцировать, автономизировать эту идентичность как базис для индивидуальных решений и индивидуального выбора социально-идентификационных стратегий. Задача удержания, стабилизации текучести смыслов заставляет современных исследователей обратиться к теме идентичности как индивидуального совпадения со смыслами, привязанными к месту как к устойчиво, объективно географически ограниченному локусу, средоточию социальных взаимодействий и источников смыслообразования.

Идентичность, связанную с объективным локусом, характеризуемым географическими координатами, разделяют на территориальную и пространственную [14. С. 22]. Территориальная идентичность трактуется как совпадение индивида с общностью, объединенной коллективной деятельностью, зависящей от особенности географического и культурно-ландшафтного устройства территории проживания. Пространственная идентичность базируется на включенности места проживания в комплекс связей и отношений, в аспекте которых само место приобретает осмысленный и означенный функционал, а принадлежность и освоенность этого места, т. е. пространственная идентичность, выражается в согласии, разделении и эмоциональной привязанности к этим смыслам.

Таким местом, имеющим смысловое и символическое измерение, являющимся узлом генерации смысловых и информационных потоков, является город. Отношения индивида с окружающей городской средой, результатом которых может стать та или иная степень его (индивида) городской идентичности, которую в рамках взаимосвязи индивидуального, социального и территориального миров человека можно трактовать как идентичность места (Г. Прошански). «Под идентичностью места понимаются те измерения личности, которые определяют личностную идентичность в отношении физического окружения посредством комплекса паттернов сознания и бессознательных образов, верований, предпочтений, чувств, ценностей, целей и поведенческих склонностей и навыков,

релевантных данному окружению. Можно утверждать, что для каждой специфической ролевой идентичности человека существует физическое измерение» [8; 13. С. 36].

По сути, идентичность с местом выступает как пространственная идентичность и является результатом социализации, совпадения социально-ролевого функционала индивида с требованиями той социальной общности, куда он включен в связи с совместным проживанием в границах определенной территории.

Но идентичность с местом можно трактовать и как городскую идентичность [10. С. 55, 56; 21-23], поскольку городская идентичность, как и идентичность с местом, является продуктом социокультурного взаимодействия жителей данного поселения, продуктом адаптации и социализации индивида, освоения смыслов, ценностей и норм, стиля жизни городской общности. По определению Н.С. Дягилевой [10. С. 56], «городская идентичность – это компонент социальной идентичности личности, социокультурный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью и определяемый усвоением и воспроизводством символического капитала города, социальных норм и стиля жизни, объединяющих жителей данного города».

Однако такое определение городской идентичности предполагает трактовку города как целостного единства места, связанного полем смыслов, неизменность и статичность городского пространства, определенность нормативных и ценностно-смысловых ориентиров, исходящих в адрес индивида от устойчивой во времени городской общности.

Идентичность индивида становится результатом полного ролевого совпадения с требованиями социального окружения и не подразумевает какого-либо выбора отношения к этим требованиям как объективированным основаниям такой идентичности. Проблематизация городской идентичности связывается в этом случае с неспособностью индивида ответить на эти требования. Но другая сторона этой проблематизации относится к изменчивости самого городского пространства под влиянием глобальных и локальных процессов, точкой пересечения которых становится современный город.

Так, в концепции З. Баумана истоки проблематики городской идентичности определяются через авторскую характеристику современных социальных процессов, характеризующихся стремительностью изменений, «текучестью», неожиданностью ее последствий. Бауман связывает эту динамику с увеличением численности и плотности городского населения из-за притока на территорию города «чужаков», разрушающих устойчивый уклад межличных близкососедских отношений, механизм воспроизводства рутинности и гомеостичности города. Город стал «местом, где встречаются незнакомцы, где они остаются вблизи друг друга и где они взаимодействуют друг с другом на протяжении долгого времени, не переставая при этом оставаться незнакомцами» [3. С. 26].

Приток жителей сельской местности в города сделал городское пространство местом «массовой индустрии незнакомцев» за счет капиталистической тенденции замещения привычных личных связей «знакомцев» безличной и универсальной денежной связью «незнакомцев». Свободное предпринимательство, конкуренция и расчеты выгоды потребовали инициативы и инноваций, породили неопределенность и неудовлетворенность в границах городской жизни. Бауман отмечает, что рыночное развитие городов было связано с изменением структуры их физического пространства: расширение внешних границ за счет строительства предприятий на пригородных территориях и изменение внутренней организации застройки за счет сноса старых кварталов и размещения тех же предприятий и жилья для их работников. Такое изменение повлекло за собой и трансформацию ценностных иерархий. Возник конфликт между рыночными выгодами и потребностями людей на достойные условия существования. Однако общность пространства города и зависимость успеха бизнеса от благополучия населявших город людей привели к определенному консенсусу этих ценностных систем, выразившемуся в идее «государства всеобщего благоденствия».

Но в новых условиях распространения глобальной экономики это противоречие проявило себя в пространстве города в другом противостоянии: глобальных потоков (информации, финансов и т. п.), не связанных с физическими границами территорий, и локальной политики, «которая остается, как и в прошлые столетия, локальной, привязанной к территории, немобильной» [3. С. 33]. Со ссылкой на М. Кастельса Бауман обсуждает рост полярной дифференциации в сообществе городских жителей в отношении к потребности в городской идентичности. Один слой составляют люди, не нуждающиеся в такой идентичности, в сравнении с ценностью «киберпространства, их подлинного, хотя и виртуального, дома» [3. С. 34]; город для них – это просто место для получения услуг и комфорта, которое они могут с легкостью поменять, поскольку лишены по отношению к нему какой-либо заботы и ответст-

венности. Другой слой связывает с городской территорией возможности для отстаивания собственных интересов, и идентичность для них – ресурс для этих возможностей.

При этом, по мнению З. Баумана, тенденции глобализации и локализации не исключают, а взаимно поддерживают друг друга в пространстве города. Именно это сочетание и определяет направленность развития современных городов, чьи жители находятся во власти противоречивых желаний. С одной стороны, приветствуют сохранение прежнего порядка жизни перед лицом локальных проявлений глобальных изменений. Только такое сохранение помогает получить предсказуемость, упорядоченность и стабильность жизни, устойчивость места, обеспечивающую возможность идентичности с ним. При этом влияние глобализации привносит стандарты потребления, организация которого в рамках транснациональных сетей обеспечивает привычность и снижает неопределенность и непредсказуемость изменений городского пространства. Опасность такой непредсказуемости городской жизни приводит к зонированию городского пространства, выделению притягивающих «островков безопасности и спокойствия» в виде огороженных территорий со своей инфраструктурой и отталкивающих зон, источников опасностей и угроз.

В концепции Р. Сеннета [18. С. 96] город, как средоточие опасностей, исходящих от неизвестного другого, его чуждости, инаковости, стал результатом как внешней миграции населения из села в город, так и внутригородской миграции горожан, связанной с изменениями условий и требований к труду в условиях распространения информационных технологий. Р. Сеннет говорит о гибкой краткосрочной занятости, постоянной добровольной смене места работы, о замене распределения труда по функционалу работника распределением работы между временно объединившимися командами, которые распадаются после достижения нужного трудового результата. Такое изменение требований к труду ведет к значительной географической мобильности работников, к разрушению устойчивой физической связи с городом, особой привязанности к месту, ценности уникальности этого места, а значит, и необходимости какого-либо отождествления, идентичности с ним. Появляются стандартизация городских мест, их одинаковость, сходность по пригодности мгновенного переустройства в рабочее место. Появляется не только новый тип стандартизации труда, но и новый тип стандартизации потребления – сетевой маркет с одним и тем же ассортиментом товаров в любой точке мира. В результате «стандартизация порождает безразличие, ... привязанность к определенным местам испаряется» [18. С. 102]. Стандартизированные места труда и потребления более не вызывают страха, при этом одинаковость мест не порождает общности и единства. Все, что составляло бы основание для городской идентичности, утрачивается, а вместе с этим утрачивается и потребность в самой этой идентичности. «Точно так же накопление общей истории и, следовательно, коллективной памяти в этих нейтральных общественных местах сокращается. Пространство общественного потребления наступает на местные значения точно так же, как новые формы занятости наступают на общие истории работников» [18. С. 103].

С точки зрения Э. Сойя [19. С. 138], город как целостность должен характеризоваться особым состоянием (синойкизмом) интегрального единства как результатом совместного проживания множества людей на общей территории для решения задач совместного же развития, социального творчества, управления, создания гражданского общества. Такой синойкизм является основой городской идентичности. При разрушении такой интеграции, следовательно, и разрушается социальный базис городской идентичности. Такому разрушению способствует переход к глобальной экономике, и влияние глобальных экономических процессов на структуру городского пространства ведет к перераспределению локаций центров индустрии, возникновению полицентризма, связанного с распространением и доступностью информационных технологий коммуникации и формированием инновационных сред. Такая реструктуризация привела к повышению разнородности пространства, «усилению социальной поляризации и возрастанию неравенства в богатстве и власти, основанного на классовой, расовой, этнической и национальной принадлежности» [19. С. 139]. Поэтому в современных городах существует проблема поиска инновационных механизмов взаимодействия разнородных социально-пространственных компонентов города, поиска новых оснований городской идентичности.

Таким образом, тенденции современного города приводят к кризису городской идентичности. Такой кризис проявляется в том, что сама потребность в такой идентичности перестала быть само собой разумеющейся. Неоднородность городского сообщества по отношению к необходимости городской идентичности сопрягается с мультиплицированием городского пространства, выделением «островков стабильной уникальности» и зон стандартизированного труда и потребления.

Причем если зоны стандартизации, являясь общими пространствами, не предполагают индивидуализированной привязанности к ним, то уникальные локусы городского пространства могут трактоваться как «места памяти», которые истолковываются не только в материальном, но и символическом и функциональном смыслах [16]. Такие «места памяти» несут в себе основания надындивидуального, надклассового и надэтнического единства городского сообщества, города как места закрепления коллективной памяти об общем историческом прошлом и одновременно связаны с «чувством личной причастности, с переживанием самоидентичности социального субъекта (сообщества) через памятование о событии прошлого» [9].

«Места памяти» выполняют функцию идентификационной самоподдержки для социальных общностей, чье единство на базе общего исторического прошлого находится под угрозой. Такие общности (институты и группы) создают для себя коллективную (или политическую) память «с помощью таких мемориальных знаков, как памятники, музеи, поминальные обряды и церемонии. Вместе с такой памятью эти группы и институты “конструируют” идентичность» [1].

Благодаря этой функции «места памяти» служат основанием для так называемой ретроспективной городской идентичности. Ретроспективная городская идентичность характеризуется такой оценкой исторического прошлого города, которая отмечает принадлежность к городскому сообществу, выделяемому не только по территориальной принадлежности места жительства, но и по связанной с этим местом уникальной роли в исторических событиях государства, страны. «Быть частью идентичности такой группы – значит участвовать в ее истории: а она обычно превышает срок человеческой жизни. Чтобы разделить с группой представления о ее прошлом, нужно это прошлое изучить» [1].

Ретроспективная городская идентичность является результатом ценностного выбора индивидуумом фрагмента коллективной памяти о том периоде в истории города, который имеет наибольшее значение для формирования его (города) исторической индивидуальности, смысловой и ценностной индивидуальной значимости принадлежности к этой истории [7. С. 86].

Другой аспект кризиса городской идентичности связан с разнонаправленными изменениями городского пространства, где одновременно присутствуют взаимоисключающие процессы постоянного обновления и процессы сохранения и воспроизводства устойчивых форм жизни людей. Конфликт тенденций устойчивости и изменчивости служит источником постоянных инноваций, при этом направленность этих инноваций остается неопределенной, будущее города становится многовариантным, поскольку «город есть специфическая форма развития, не имеющая специально выраженной проектной составляющей..., которая обеспечивает развитие в условиях, когда у нас нет артикулированных проектов будущего и программ его достижения, нет выверенных целей, но есть смутное переживание фундаментальных ценностей развития» [22]. В этом случае городская идентичность представляет собой единение индивида не только с актуальными, но и с потенциальными состояниями городского пространства, предоставляющими возможности для его собственного развития не только в настоящем, но и в будущем.

В этой связи можно ввести понятие проспективной городской идентичности как переживаемого и осознаваемого индивидом единства, связности его собственного будущего с будущим городского сообщества, принадлежность к которому обеспечивает устойчивую поставку возможностей для прогнозируемых социальных выборов.

Характер проспективной городской идентичности определяется вектором оценки общих перспектив развития города и сопряженных с этими перспективами индивидуальных возможностей личностной и профессиональной самореализации. Амбивалентность этой оценки позволяет применительно к проспективной городской идентичности применить классификацию, используемую Г.В. Горновой [7], которая выделяет позитивную и негативную городскую идентичность в качестве оснований для тех или иных практик горожан в пределах городского пространства и оснований для миграционных намерений покинуть эти границы. Проспективная негативная городская идентичность связана с негативной оценкой индивидом своего будущего, сопряженного с депрессивным будущим города, ограничивающим индивиду спектр возможных социальных выборов. Поиск лучшей доли в городах с большими возможностями для самореализации ведет к усилению интенсивности миграционных процессов.

Напротив, проспективная позитивная городская идентичность подразумевает позитивную оценку как будущего самого города, так и связанного с ним будущего индивида, вовлеченного в значительные инновационные процессы изменений городского пространства.

Таким образом, кризис городской идентичности как разновидности социальной идентичности индивида связан с нарушением гомеостатичности города в связи с открытостью городского пространства потокам человеческих, финансовых, материальных и информационных ресурсов, вызванных распространением глобальной рыночной экономики.

Разрушение уникальности городского пространства под воздействием глобальных процессов, унификация и стандартизация труда и потребления вступили в противоречие с тенденцией закрепления этой уникальности в сохраняющихся неизменными локальных компонентах городской территории, что приводит к двойственности самой индивидуальной потребности в городской идентичности. В случае функционально-прагматического отношения к городу как месту производства ресурсов и удовлетворения потребностей необходимость в городской идентичности исчезает. Напротив, потребность в городской идентичности становится актуальной в случае, когда пространство города рассматривается как зона заботы и ответственности, ресурс для реализации собственных интересов.

В связи с разнонаправленностью процессов глобализации и локализации в границах городского пространства можно выделить такие разновидности городской идентичности, как ретроспективная и проспективная городская идентичность. Ретроспективная городская идентичность имеет в своем основании такие пространственные локусы городской территории, как «места памяти», где закреплены одновременно и фрагменты коллективной памяти об общем историческом прошлом, и индивидуальное эмоционально-ценностное отношение к этим фрагментам как условие приобщения к этой истории.

Проспективная городская идентичность, как когнитивное и эмоциональное сопряжение индивидом своего будущего с будущим городского сообщества, формируется ввиду актуализации тенденций изменчивости городского пространства под влиянием различного рода инновационных процессов. Разделение проспективной городской идентичности на позитивную и негативную отражает не только направленность оценки индивидов общих перспектив изменения города с позиций увеличения или сокращения возможностей для прогнозируемых социальных выборов, но и характер деятельного участия индивида в будущем этого города.

Дальнейшее исследование соотношения таких типов городской идентичности, проявленное в структуре конкретных городских практик и миграционном поведении горожан, позволит выявить не только возможности самореализации и самоидентификации индивида в границах городского пространства, но и перспективы развития самого города, реализованные через эту индивидуальную активность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Рефреймируя память. Между индивидуальными и коллективными формами конструирования прошлого. URL: <http://gefter.ru/archive/11839>
2. Барышникова И.В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 2 (10).
3. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3.
4. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
5. Вяткин А.П. Кризис социальной идентичности и личностное конструирование экономических ролей // Психология в экономике и управлении. 2014. № 2. С. 5–13.
6. Горнова Г.В. Конфликтность городской идентичности // ПРАЭНМА. 2020. № 3 (25). С. 27–40.
7. Горнова Г.В. Городская идентичность: философско-антропологические основания. Омск: Амфора, 2019. 167 с.
8. Давыденко В.А. «Идентичность места» как критерий поддержки сетевых взаимодействий: теоретический анализ и эмпирические оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 6. С. 104–119.
9. Дахин А.В. Город как место памятования // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. 2006. № 4. С. 164–179.
10. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
12. Мусиездов А.А. Территориальная идентичность в современном обществе // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnaya-identichnost-v-sovremennom-obschestve>
13. Мусиездов А.А. Идентичность места как результат средовой социализации // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2012. № 993. С. 32–37.

14. Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. С. 18–25.
15. Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социальнонаучном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 87–111.
16. Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1.
17. Самойлик Н.А. Феноменология кризиса идентичности // Мир культуры, науки, образования. 2010. № 6. С. 119–120.
18. Сеннет Р. Капитализм в большом городе // Логос. 2008. № 3.
19. Соля Э. Как писать о городе с точки зрения пространства // Логос. 2008. № 3.
20. Титов В.В. Символическое пространство российской идентичности: ретроспективное измерение // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 58–60.
21. Федотова Н.Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (3). С. 32–49.
22. Фролов А.В., Суходольская Н.П. К феноменологии городского пространства // Вестник МГСУ. 2010. № 4. С. 394–399.
23. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3.
24. Щедровицкий П.Г. Философия развития и проблема города // Формула развития. М., 2005. С. 28–42.
25. Эриксон Э.Г. Кризис идентичности в автобиографической перспективе // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 73–89.

Поступила в редакцию 11.10.2021

Санникова Ольга Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: alexbor@udm.ru

O.V. Sannikova

CRISIS OF URBAN IDENTITY: AMBIVALENCE OF VALUE GROUNDS AND SOCIAL PERSPECTIVES

DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-4-365-371

The article discusses the problem of urban identity in the opposition between global and local processes in urban space. Urban identity is viewed as a type of individual's social identity in relation to his/her affiliation to a certain urban community. The study of the causes and effects of the urban identity's crisis is based on the notion of this identity as valuable and meaningful cohesion of individuals and urban community.

The problem of urban identity is studied via the analysis of modern concepts of social change in urban space, related to mainstream of human resources, financial, material, information resources. The article indicates that the crisis of identity is represented in the potential loss of individual and personal links to the city, in the loss of affiliation to the place of living, in the vanishing demand for urban identity. The notions of retrospective and prospective urban identity are introduced to identify the ground to maintain urban identity. Retrospective urban identity is based on the existence of so-called "places of memory" in urban space that integrate physical space, fragments of collective memory and individual valuable attitude to this memory as the inclusion to the city history. Prospective urban identity rests on individual's cohesion and affiliation to future states of urban community as a source of potential social options.

Assessments of directions for social change are figured out in positive and negative prospective urban identity, which defines residents' migration intentions and their active participation in the city life.

Keywords: globalization, locality, urban identity, spatial identity, region's identity, retrospective and prospective urban identity, positive and negative urban identity.

Received 11.10.2021

Sannikova O.V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at Department of Sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: alexbor@udm.ru